

Ли Пин

КУЛЬТУРНЫЙ ФАКТОР ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕЙСЯ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ КНР

*Работа представлена кафедрой востоковедения Читинского государственного университета.
Научный руководитель – доктор философских наук, профессор Н. А. Абрамова*

В статье рассматривается культурный фактор трансформационных процессов, происходящих в КНР в условиях глобальной регионализации. Автор анализирует культурную региональную политику, направленную на обеспечение культурной безопасности Китая.

The article describes the cultural factor of transformation processes of globally regionalizing China. The author analyses regional cultural policy aimed at guaranteeing PRC's cultural security.

Процессы глобализации и модернизации, усиление взаимозависимости мирового сообщества, частью которого является Китай, с особой остротой ставят пробле-

мы существования региональных систем в рамках глобального культурного пространства. Речь идет о национальных особенностях социального развития, в котором присутствуют и элементы общих модернизационных закономерностей, и элементы вестернизации, и элементы своей собственной трансформированной традиционности.

Общественное развитие каждого из регионов мира фактически проходит в соответствии с собственными культурно-цивилизационными моделями. При этом необходимо отметить, что в отечественном и зарубежном научном знании недостаточно учитываются культурные особенности, играющие немаловажную роль в процессе формирования, функционирования и развития регионов.

Само понятие «регион» – одно из самых трудных в современном обществознании. Во-первых, оно имеет разные границы применения, от широкого значения с охватом нескольких стран, объединяемых по ряду признаков, до узкого, которое опирается на социальное единство в рамках одной территории. Во-вторых, с точки зрения подходов можно говорить о международных, политологических, социально-философских, географических, исторических, юридических определениях. Каждое из специализированных определений выделяет те аспекты понятия, которые отвечают задачам конкретной дисциплины. Для того чтобы отметить все важнейшие характеристики региона как явления, исследователи общих проблем регионализма используют синтетические определения¹.

Немаловажное значение имеют так называемые системообразующие факторы региона, в качестве которых российскими учеными выделяются: природная среда, социальная общность, единство исторического происхождения, единая территория, особая форма хозяйствования, этническая культура и общий менталитет, система политической жизни или определенная социально-политическая форма и т. д.². Между тем сегодня особую актуальность приобре-

тает внимание к культурному фактору, который, по сути, является духовной основой всей общественной жизни.

Вопросы регионализации, своеобразия регионального развития, его тенденций и перспектив необходимо решать, учитывая основу самобытности – культуру, особое мировоззрение. Именно культура формирует особый характер общества, его резервы и перспективы развития. Поэтому в центре внимания при исследовании трансформационных проблем регионов в условиях глобализации должна быть специфика национальной культуры и ее ценностей.

В западном регионоведении идеи специфики региональных идентичностей находят выражение в исследованиях «паттернов регионального развития»³, которые определяются как исторически формирующиеся типы воспроизводства региональной идентичности. В каждом региональном случае обнаруживается собственный паттерн развития, то есть вариант определенного многоуровневого комплекса неформальных правил, традиций, обычаев, устойчивости фундамента институциональной среды, которая фактически не поддается изменениям в течение долгих периодов, несмотря на зримые изменения во всех конкретных сферах общества.

Особую сложность при анализе вопросов региональной идентичности как части культурного фактора общественной жизни КНР придает то, что регионализм современного Китая обладает сложной структурой. Политико-территориальное устройство КНР является соединением национально-государственных и территориальных образований. Кроме провинций, городов центрального подчинения существуют и автономные районы, населенные преимущественно одной этнической группой (как Тибет, Синьцзян); автономные районы проживания представителей двух или нескольких этнических групп; автономные территории в составе автономных районов других этнических групп и автономные территории этнической группы, создаваемые за пределами автономных районов в мес-

тах их компактного проживания (например, тибетцы имеют 10 автономных областей в других провинциях). В целом по стране насчитывается 156 автономных территорий, в том числе 5 автономных районов, 30 автономных областей, 121 автономный уезд, а также свыше тысячи автономных волостей⁴. Подобная неравномерность порождает проблему неравноправия политических статусов, дискомфорта в самоосознании этих образований, требований в обосновании культурно-исторической самоидентификации.

Этнокультурные проблемы многонационального китайского социума являются предметом национальной (этнической) региональной политики. Основой этнической политики в Китае становится концепция, получившая наименование «два не отрываться» (*лянгэ ли букай*). Смысл ее заключается в том, что отношения между ханьским населением и нацменьшинствами (*шаошу миньцзу*) ? это отношения, построенные и сохраняющиеся на основе взаимопомощи и взаимного сосуществования, при которых ханьцы не могут отрываться от национальных меньшинств, а национальные меньшинства ? от ханьцев.

В теоретическом плане данная проблема тесно связана с культурной безопасностью КНР, в основе которой лежит китайский национализм ? явление, которое может проявляться и рассматриваться двояко.

Китайский национализм позитивного характера строится в настоящее время как полиэтническая или даже надэтническая идеология, которая зиждется на традиционных китайских ценностях, впечатляющих экономических успехах, гордости за свою страну и патриотизме.

На официальном уровне в КНР активно поддерживается доктрина китайской нации (*чжунхуа миньцзу*), приоритетное внимание уделяется формированию у граждан «регионального сознания» (общегосударственной идентичности) при одновременном перемещении на второй план этнического сознания национальностей, рассматривается вопрос о месте и роли рели-

гии в обществе, осуждаются радикальные религиозные организации как источник религиозно-этнических конфликтов и проявлений терроризма.

Китайский национализм негативного характера очень часто расценивается как идеология «империи китайцев, исключительно силой удерживающего в составе КНР некитайские народности»⁵, проявляющаяся в расизме, шовинизме по отношению к другим нациям и народам. Руководство страны стало уделять большое внимание анализу логики существования большого геополитического пространства, каковым является Китай, и выявлению позитивного цивилизующего влияния метрополии (центра) на окраинные народы.

Забота государства о безопасности и жизнеспособности культуры собственной страны - это главный приоритет стратегии развития любой страны, стержень государственной культурной политики⁶.

Китайское руководство в решении проблем культурной безопасности в первую очередь акцентирует значение государства. При этом культурная политика КНР направлена не только на решение внутренних проблем, но и распространяется «вовне». Китайское государство активно включается в процессы регионализации, осознавая, что лишь таким образом можно противостоять негативным и разлагающим процессам культурной глобализации.

По мнению Ху Хуйлиня, культурная безопасность государства напрямую зависит от того, насколько культура обладает притягательной силой и способностью воздействовать на другие культуры. Поэтому причислять государство к статусу «даго» (или «великой державы») необходимо не по богатству ресурсного потенциала, не по размерам территории или продолжительности исторического развития, а по тому, какой культурный вклад внесло то или иное государство, какими культурно-цивилизационными ценностями оно обладает⁷.

Китайскими властями разработана концепция «трех сил» культуры: способность притягивать, способность влиять и способ-

ность вносить вклад в развитие других культур. Исходя из этой концепции, чем большее внимание уделять развитию этих «трех сил», тем более защищенным будет культурное пространство государства.

Цель стратегии культурной безопасности КНР – превратить культуру Китая в силу, способную повлиять на развитие мировой культуры. Политико-идеологический курс «мирного возвышения» Китая (*хэ-пин цзюэци*) – это еще один шаг на пути к достижению статуса «фуцзэго» (ответственного государства)⁸.

По сути, новая идеология призвана сплотить китайский народ, всю китайскую нацию (*туаньцзе*) в рамках идеи возвышения Китая, построения общества малого благоденствия (*сяокан*) и гармонизации отношений (*сетяо*) (экономических, социальных, политических, культурных) в трансформирующейся структуре глобализирующегося китайского общества. Идея «согласования» стала постепенно вытеснять былую установку на «сплочение», которая в значительно большей мере ориентирована не на признание общественных различий, а на их стирание или, по меньшей мере, затушевывание. «Согласование» стало важнейшей составной частью новой концепции политического развития и важным инструментом для оптимизации политического управления общественными процессами на основе отказа от уравнительности⁹.

В основу новой теоретической системы «мирного возвышения» Китая заложено конфуцианское мировоззрение «единения без унификации» (*хэ эр бу тун*). В современном контексте мировоззрение «единения без унификации» интерпретируется как желание Китая укреплять мир, гармонию и сотрудничество с Западом («единение» –

«хэ») без перехода на позиции союзника Запада и признания его ценностей («унификации» – «тун»). При этом идея «единения без унификации» может быть распространена на отношения государств, различных социальных строев, цивилизаций и культур, а также на проблемы развития человечества и окружающей среды. На основе этой ценностной идеи предполагается добиться гармонии без единообразия, сохранить неодинаковость без конфликта.

Осуществление стратегии культурной безопасности не может строиться лишь на мышлении обороняться и закрываться. «Мирное возвышение» предполагает привлечение новых элементов развития. Например, демократизация международных отношений, многосторонняя дипломатия, статус «ответственного большого государства» и т. д. Эти элементы являются не только средством в осуществлении концепции, но условием и целью.

Концепция «мирного возвышения» включает следующие положения: стратегия построения системы национальной культуры, стратегия творческой инициативы национальной культуры, стратегия индустрии национальной культуры, стратегия выработки прав граждан в области культуры, стратегия культурной дипломатии, информационная стратегия национальной культуры, стратегия управления «массовой» культурой, а также стратегия развития региональной культуры¹⁰.

Таким образом, культурный фактор глобализирующейся регионализации КНР представлен ценностями «национального величия», «национального возрождения», «национального спасения», которые необходимы для воплощения «мирного возвышения» КНР в системе международных отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Даргын-оол Ч. К. Культурный фактор регионализации современной России [текст] / Ч. К. Даргын-оол // Модернизация и глобализация: Образы России в XXI веке. М.: ИФ РАН, 2002. С. 143–171.

² Абрамов Ю. Ф. Регион: научное понятие и реальность [текст]: теоретико-методологические очерки / Ю. Ф. Абрамов, О. В. Бондаренко, А. Н. Лапшин, В. В. Мантатов. Иркутск: ИГУ, 2001. С. 131; Климанов В. В. Региональные системы и региональное развитие в России [текст] / В. В. Клима-

нов. М.: Едиториал УРСС, 2003.; Гранберг А. Г. Основы региональной экономики [текст]: Учеб. пособие / А. Г. Гранберг. М.: ГУВШЭ, 2000. С. 81; Черников А. Г. Стратегии развития региона (структурный аспект) [текст] / А. Г. Черников. Новосибирск: ИЭ и ОППСО РАН, 2000; Липец Ю. Г. Цикл работ по исследованию региональных систем [текст]: обзор / Ю. Г. Липец // Региональные системы. 1983. № 3. С. 69.

³ Даргын-оол Ч. К. Указ. соч. С. 143–171.

⁴ Попова И. Внутренняя национальная политика [электр. ресурс] / И. Попова // Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения Российской Академии наук. Реж. доступа: <http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=compublications&Itemid=75>.

⁵ Там же.

⁶ Каплиев А. С. Безопасность российской культуры в контексте геополитической стратегии России (история и современность) [электр. ресурс] / А. С. Каплиев. Реж. доступа: <http://www.rustrana.ru/article.php?nid=19297&sq=19,22,1941,2334&crypt, свободный. Загл. с экрана>.

⁷ Ху Хуйлинь. Чжунго гоцзя вэньхуа аньчуань лунь = Теория безопасности национальной культуры Китая / Хуйлинь Ху. Шанхай, 2005. С. 239. Кит. яз.

⁸ Чжан Вэньму. Шицзэ диюань чжэнчжи чжун дэ чжунго гоцзя аньчуань ли и фэньси = Анализ эффективности национальной безопасности Китая в рамках мировой политики / Чжан Вэньму. Шаньдун: Шаньдун жэньминь чубаньшэ, 2004. С. 398. Кит. яз.

⁹ Асланов Р. М. «Концепция трех представительств»: путь к социальному миру в Китае [текст] / Р. М. Асланов // Китай в диалоге цивилизаций. М.: ИДВ РАН, 2003. С. 175.

¹⁰ Ху Хуйлинь. Указ. соч. С. 243.